

УДК 902/904

ДРЕВНЕЙШИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КРЕМАЦИИ ТОМСКОГО ПРИОБЬЯ
(хронологическая и культурно-историческая интерпретация)

А. Г. Марочкин

THE EARLIEST BURIAL CREMATIONS IN TOMSK OB' RIVER REGION
(chronological, cultural and historical interpretation)

A. G. Marochkin

Работа выполнена в рамках государственного задания № 33.1175.2014/К.

Статья посвящена вопросам культурно-хронологической интерпретации древнейших погребальных кремаций лесного Томского Приобья – ранних захоронений Томского могильника, Старого Мусульманского кладбища, Самусьского могильника, погребения на Батурином острове. Рассмотрена историография проблемы в отечественной археологической литературе 1950-х – 2000-х гг. На основании данных планиграфии, сравнительного анализа и результатов радиоуглеродного датирования аргументируется синхронность новокусковских и игрековских захоронений в пределах позднего неолита-энеолита. По материалам погребальных комплексов описаны вероятные сценарии культурного взаимодействия автохтонных верхнеобских популяций (кипринско-ирбинско-новокусковский культурный массив) и пришлого населения лесных районов Западной Сибири (игрековская культурная общность).

The paper deals with some issues of cultural and chronological interpretation of the earliest burial cremations in the forest Tomsk Ob' River region – early burials of Tomsk burial ground, Old Muslim cemetery, Samus' burial ground, Baturinsky Island burial ground; the author considers the historiography of the issue in the Russian archaeological publications of the 1950s – 2000s. The attribution of Novokuskovo and Irekovo burial mounds to the late Neolithic-Eneolithic period is proved by the data of planigraphy, comparative study and the results of radiocarbon dating. Based on the burial complexes material, the author describes a possible plot of cultural interaction between autochthonous Upper Ob' populations (Kiprino, Irbino, Novokuskovo cultures) and people coming from forest areas of Western Siberia (Irekovo cultural community).

Ключевые слова: неолит, погребальная практика, ингумация, кремация, кипринско-ирбинско-новокусковский культурный массив, игрековская культурная общность, Томское Приобье.

Keywords: Neolithic, burial practice, inhumation, cremation, Kiprino, Irbino, Novokuskovo cultures, Irekovo cultural community, Tomsk Ob' region.

В июне 2015 г. празднует свое семидесятилетие выдающийся археолог, доктор исторических наук, профессор Владимир Васильевич Бобров, автор множества научных открытий в области древней и средневековой истории Сибири. Считаю крупной жизненной удачей, что мне довелось учиться у этого замечательного человека и работать вместе с ним.

Одно из направлений плодотворной работы Владимира Васильевича связано с изучением неолита Западной Сибири. Ему принадлежат блестящие открытия нескольких неолитических могильников Кузнецко-Салаирской горной области [1; 50], а также хорошо известного специалистам поселению Танай-4а в Присалаирье [2 – 3]. В последнее десятилетие под его руководством ведутся масштабные раскопки неолитических поселений Автодром-1 и Автодром-2 в Барабинской лесостепи. Сохраняет бесспорную значимость идея контактной зоны западносибирских и восточносибирских неолитических популяций в Верхнем Приобье, сформулированная В. В. Бобровым еще в 1980-е гг. [50]. Важна гипотеза о существовании в Верхнем Приобье самобытной неолитической культуры, объединяющей *большемысские* поселения и *кузнецко-алтайские* могильники [3 – 4]. Новым словом в понимании культурных процессов в неолите Среднеиртыш-

ско-Барабинского региона стало выделение *артынской* поздненеолитической культуры [5 – 6] и установление аллохтонной (боборыкинской) линии культурного развития [8].

В предлагаемой статье рассмотрены проблемы хронологической и культурно-исторической интерпретации древнейших погребальных кремаций Томского Приобья. В контексте изучения неолита и раннего металла Верхнеобского региона эта проблематика остается актуальной уже несколько десятилетий (обзор см.: [32; 33]) и близка научным интересам юбиляра.

I

Захоронения по обряду кремации являются специфичной чертой древнейших могильников северной периферии Верхнего Приобья, т. е. лесных районов Нижней Томи. Это такие хорошо известные специалистам памятники, как Томский и Самусьский могильники, могильник на Старом мусульманском кладбище, погребение на Батурином острове.

Томский могильник на Большом мысе – обнаружен и изучен в 1880-х гг. А. В. Адриановым [9]. Материалы раскопок и полевая документация обработаны и опубликованы М. Н. Комаровой в 1952 г. [24]. Ранний комплекс из восьми грунтовых могил расположен на мы-

совидном участке берега р. Томи в современной черте г. Томска. По наблюдениям А. В. Адрианова, во всех погребениях размещены остатки кремаций на стороне [24, с. 12]. Возможно, кремация всегда или в некоторых случаях была частичной, что подтверждается залеганием сохранившихся длинных костей в погребениях № 1 – 5 [24, с. 10 – 12]. Погребальный инвентарь, зафиксированный во всех погребениях, представлен только каменными орудиями и керамической посудой. Значительная часть каменных орудий не идентифицирована, но можно говорить о наличии в коллекции отбойников, топоров-тесел, бифасных наконечников стрел, пластин, небольших листовидных клинков-бифасов. Во всех погребениях встречены низкие плоскодонные банки со сплошной ямочной орнаментацией (т. н. игрековский тип). Элементы костюма отсутствуют.

Погребение на Батурином острове – обнаружено и изучено в 1976 г. А. В. Матвеевым [36, с. 24 – 30]. Могильник расположен на высокой надпойменной террасе р. Уени, недалеко от впадения её в р. Обь. Частично сохранилась грунтовая могила подпрямоугольной формы. На дне ямы располагались обожженные на месте кости черепа и две полуистлевшие длинные кости без следов огня [36, с. 24]. Могила содержала относительно большое количество инвентаря – каменные листовидные наконечники стрел с обломанными жалами, фрагмент клинка-бифаса, топор-тесло, плитчатый абразив, плоскодонную керамическую банку с плотной накольчатой орнаментацией (игрековский тип).

Могильник на Старом Мусульманском кладбище – исследован в 1955 – 1956 гг. А. П. Дульзоном в современной черте г. Томска. К позднему неолиту А. П. Дульзон отнесены 27 грунтовых погребений, расположенных вдоль края высокой террасы [10; 11; 12]. Возможно, ранний комплекс хронологически и культурно неоднороден. В частности, об этом свидетельствует стратиграфическая ситуация в области последовательного перекрытия погребений № 8, 7, 5, 6, 4 в северной части могильника [12, рис. 1; рис. 2]. Достоверно к древнейшим комплексам можно отнести остатки захоронений № 6 и № 8 по результатам радиоуглеродного датирования, а также остатки могил № 12, 16 – 21, 25 – 30, 32 с характерной керамикой игрековского типа. В могилах № 25, 29, 30 совместно с игрековской посудой залегали сосуды т. н. новокусковского типа. В погребениях № 6, 8, 25, 29 располагались остатки ингумаций, в остальных случаях зафиксированы признаки кремации на стороне. Помимо керамики, погребальный инвентарь представлен каменными топорами-теслами, клинками-бифасами, отщепами, наконечниками стрел, абразивами, в погребении № 6 найдена миниатюрная каменная скульптура медведя [12, с. 322 – 324]. Доказан факт прижизненного использования инвентаря, а также практика обрядовой порчи предметов оружейного набора [22, с. 8 – 10].

Самусьский могильник – впервые обследован в 1924 г. М. П. Грязновым и А. К. Ивановым, затем, в 1928 г. – И. М. Мягковым, в 1950 г. – Р. А. Ураевым и В. С. Синяевым, в 1953 г. – А. П. Дульзоном, наконец, в 1953 – 1954 гг. – В. И. Матющенко при участии М. Ф. Косарева [37; 38; 40; 27, с. 43 – 44]. Находится на высоком мысе в излучине правого берега р. Самуськи, на окраине р. п. Самусь. Включает остатки 16 грунто-

вых могил, расположенных в один ряд вдоль мыса. Зафиксировано два характерных варианта обращения с останками – ингумация (мог. № 2, 3, 6, 9, 12, 13, 14, 15) и кремация на стороне (мог. № 1, 4, 5, 7, 8, 10, 11, 16). Погребения с ингумацией распределены группами на юго-западной (№ 2, 3, 6) и северо-восточной (№ 12, 13, 14) оконечностях ряда, а также ровно в его центре (№ 9, 15). В погребальном инвентаре чаще всего встречаются тесла, наконечники стрел, ножи-бифасы, вогнутые шлифованные ножи и керамика. Реже всего небольшие плоские лепестковые бусы «из кости или раковины» [38, с. 48], скребки, абразив-выпрямитель, каменная фигурка медведя. Керамические сосуды зафиксированы как в межмогильном пространстве, так и непосредственно в могилах. По форме выделяются низкие банки с уплощенным дном и остродонные сосуды. Орнамент представлен узорами в виде волны, псевдоплетенки, сплошных взаимопроникающих треугольных зон, вертикального елочного (зигзагообразного) узора [27, с. 44, 47]. Преобладающая техника нанесения орнамента – прочерченная и отступающе-проташенная, с присутствием гладкого штампа и проташенной гребенки. Выделены безынвентарные погребения (№ 1, 4, 10 – 13); погребения с большим количеством предметов (2 – 7 экз.) (№ 6 – 7, 14 – 15); погребения с очень большим количеством предметов (8 – 15 экз.) (№ 2, 3, 5, 8, 9, 16). Из восьми могил с кремациями инвентарные и безынвентарные распределились поровну. Напротив, из восьми захоронений с ингумацией лишь в двух не было инвентаря.

Следовательно, предметом анализа выступает локально-территориальная группа грунтовых могильников, с определенным набором частных признаков в сопроводительном инвентаре, ассоциированных с двумя группами керамики. Общим является наличие захоронений по обряду кремации, но специфичными чертами этого признака выступают количество подобных могил на памятнике, их планиграфия и насыщенность их инвентарем.

II

Культурная и эпохально-хронологическая принадлежность рассматриваемых могильников уже на ранних стадиях изучения стали предметом острых дискуссий, рассмотренных мною в специальных работах [32 – 33]. Обозначим две сформировавшиеся точки зрения.

Первая рассматривала все перечисленные комплексы в рамках периодизации неолита, т. к. орудийный набор из могил и типологически близких поселений не имел металлических изделий и предметов металлургии. В 1952 г. М. Н. Комарова отнесла Томский могильник к особому томскому варианту неолитической культуры [24, с. 14], а чуть позднее вписала его общую периодизационную схему неолита Верхнего Приобья, соотнеся с кипринским этапом [25, с. 94 – 102]. Эта идея отчасти была поддержана М. П. Грязновым [13, с. 29] и А. П. Дульзоном [12, с. 324]. В 1960 – 1970-е гг. идею неолитической культуры Верхнего Приобья с несколькими этапами развития продолжил в своих работах В. И. Матющенко. Первоначально им предложена следующая периодизация:

1) Кузнецкий могильник;

2) Томский могильник и Старое мусульманское кладбище;

3) Самусьский могильник [37, с. 214].

Позднее им выделены семь локальных вариантов верхнеобской неолитической культуры (нижнетомский, верхнетомский, чулымский, барнаульско-новосибирский и могильницкий) и два этапа развития (ранний – Кузнецкий, Яйский могильники, Дегтяревская и Иштанская стоянки, стоянки кипринского типа; поздний – Томский, Самусьский могильники, Старое мусульманское кладбище, Новокусовская стоянка и стоянки ирбинского типа) [39, с. 60]. То есть в предложенной схеме древние кремации Нижнего Притомыя датировались неолитом и соотносились с нижнетомским локальным вариантом, но считались более поздними по отношению к неолитическим ингумациям лесостепи.

Истоки *второй точки зрения* лежат в работах В. Н. Чернецова 1950-х гг. Опираясь на собственную культурно-хронологическую схему неолита Среднего Зауралья и Нижнего Приобья, автор датировал Томского могильник ранней бронзой. Важнейшие признаки палеометаллического статуса он видел в плоскодонности и ямочной орнаментации керамической посуды, которые «близки раннеандроновским памятникам» [49, с. 40, 43 – 44]. В 1960 – 70-х гг. идея была развита М. Ф. Косаревым, объединившим ранние комплексы Нижнего Притомыя в новокусовскую (протосамусьскую) культурную общность эпохи палеометалла с двумя этапами развития. К новокусовскому энеолитическому этапу отнесен Самусьский могильник, к игрековскому этапу ранней бронзы – Томский могильники и могильник на Старом Мусульманском кладбище. Ключевым критерием выступила «эволюция» керамики от остродонных форм к плоскодонным и появление абразивов для «заточки металлических изделий» [26, с. 1 – 15; 27, с. 43 – 77]. Новокусовский этап в этой схеме синхронизирован с кипринскими комплексами, что впоследствии поддержал Ю. Ф. Кирюшин [20]. Несмотря на последовательную критику данной концепции со стороны В. И. Матющенко [39; 41], в целом она была признана специалистами в 1970 – 2000-х гг.

В. И. Молодин отнес к раннему металлу Верхнего Приобья ирбинский тип памятников, признав их одновременность новокусовским древностям Нижнего Притомыя [43]. В. А. Зах включил все новокусовские памятники в ирбинский энеолитический этап верхнеобской неолитической культуры [14], что полностью поддержано А. И. Петровым [46, с. 54 – 63]. Более того, В. А. Зах предложил считать кремацию одним из ярких признаков погребальной практики ирбинского *энеолитического* населения [16, с. 152 – 153]. Схема М. Ф. Косарева полностью воспроизведена Ю. Ф. Кирюшиным, датировавшим новокусовский энеолитический этап IV – III тыс. до н. э., а раннебронзовый игрековский – концом III – первой третьей II тыс. до н. э. Развитие культуры он видит в изменении орнаментации керамики (приглушение местной традиции под воздействием пришлого западного населения) и переход в погребальном обряде от трупоположения к трупосожжению [21, с. 25 – 28].

Таким образом, рассматриваемые нижнетомские могильники датируются в литературе преимущественно

неолитом или ранней бронзой, в первую очередь из-за наличия плоскодонной керамики. Примат этого признака перевесил традиционные принципы археологической периодизации – памятники датировались эпохой палеометалла без малейших признаков металлургии. Даже сторонники неолитической атрибуции не оспаривали относительно поздний возраст могильников с плоскодонной керамикой, отказываясь лишь от их эпохального «омоложения» (периодизация В. И. Матющенко). Ю. Ф. Кирюшин, верно обозначив противоречие устоявшейся датировки Старого Мусульманского кладбища результатам радиоуглеродного датирования и функционально-трасологического анализа каменных орудий, счел более логичным исключить связь сосудов с могилами, нежели допустить удревнение первых [22; 21, с. 25]. То есть первичным критерием стала морфология посуды, вторичным – постоянно меняющийся список косвенных признаков металлургии (шлифованные ножи, абразивы и т. д.), а также предполагаемые следы «глубинных проявлений энеолитической эпохи» без абсолютизации факта металлообработки [29, с. 66], к каковым была отнесена практика кремации в погребальном обряде.

III

Современное состояние знаний позволяет иначе подойти к проблеме эпохально-хронологической датировки рассматриваемых могильников.

Накоплены данные, отрицающие линейную морфологическую эволюцию древнейшей посуды Западной Сибири от остродонных форм к плоскодонным. В частности, доказан раннеолитический возраст плоскодонных серий амнинского, каюковских типов и «добыстринских» комплексов Сургутского Приобья [30, с. 22]. Получены свидетельства неолитического статуса боборыкинской культуры Зауралья с преимущественно плоскодонной керамикой [23; 17]. На материалах поселения Автодром 2 (северо-запад Барабинской лесостепи) выявлена нижняя хроностратиграфическая позиция боборыкинских древностей относительно остродонной артынской посуды позднего неолита [7]. В развитом неолите (перв. пол. V тыс. до н. э.) в лесостепных и лесных районах Верхнего Приобья имел распространение изылинский тип посуды, включающий как плоскодонные, так и остродонные формы [16; 47; 35]. То есть первичный критерий «палеометаллической» атрибуции целого ряда памятников Томского Приобья утратил значение, что ставит под сомнение правомерность всей схемы [44, с. 116 – 117].

Принципиально изменились представления о хронологии игрековских комплексов. Время бытования стоянок Игреково I и Игреково II, согласно радиоуглеродной датировке, укладывается в диапазон перв. четв. – кон. V тыс. до н. э. [48]. Собственно игрековская керамика датируется «на 1500 лет, чем предполагалось ранее, и древнее на 2500 лет, чем предполагал М. Ф. Косарев» [48, с. 195]. Погребение № 8 Старого Мусульманского кладбища с характерным игрековским сосудом датируется в калиброванных значениях в схожем диапазоне – перв. треть – посл. треть V тыс. до н. э. (публикацию некалиброванных дат см. [18; 19]). С игрековской культурной общностью В. И. Молодин связывает усть-тартасскую культуру раннего металла

Барабинской лесостепи (конец V – начало IV тыс. до н. э.), допуская при этом синхронность новокусовских и игрековских комплексов в Нижнем Притомье [44, с. 116; 45, с. 183].

Четких критериев типологической дифференциации кипринских, ирбинских или новокусовских комплексов нет, как нет единства их датировки и периодизации. Напомним, что М. Ф. Косарев и Ю. Ф. Кирюшин предлагают объединить в рамках энеолитического этапа лесные новокусовские памятники и лесостепные кипринские комплексы [27; 20]. В. И. Молодин и В. А. Зах датируют киприно неолитом, но видят в нем культурную основу ирбинско-новокусовского энеолита [43; 16]. Нами был предложен термин *кипринско-ирбинско-новокусовский культурный массив* для обозначения автохтонных комплексов позднего неолита-энеолита Верхнего Приобья. Вероятное время их бытования – V – нач. IV тыс. до н. э., что подтверждено калиброванными датами погребения № 8 Старого Мусульманского кладбища [21, с. 25] и сосуда со стоянки Долгая-1 на юге Нижнего Притомья [34].

Синхронные друг другу игрековские и кипринско-ирбинско-новокусовские некрополи хронологически близки таким могильникам лесостепного Приобья, как Солонцы-5, Усть-Иша, Лебеди-2, Кузнецкий [31, с. 58]. С нашей точки зрения, это тоже свидетельствует в пользу неолитического статуса рассматриваемых комплексов. Это означает, что следует говорить не о последовательной смене в Томском Приобье кипринско-ирбинско-новокусовского населения носителями игрековской культурной традиции, а об их сосуществовании в позднем неолите и, возможно, в начальных периодах эпохи палеометалла.

IV

Игрековские могильники Томский, Старое Мусульманское кладбище, погребение на Батурином острове характеризуются почти абсолютным доминированием кремации на стороне как основного способа обращения с останками; отсутствием безынвентарных захоронений; отсутствием в сопроводительном наборе орудий из кости и украшений; обязательным наличием в погребальном инвентаре керамики; большим количеством каменных орудий. Представленный орудийный набор имеет неолитический характер – отщепы, пластины, отбойники, топоры-тесла, иволистные наконечники стрел. В лесостепной части Верхнего Приобья могильники этой типологической группы не известны.

Погребальная практика населения лесостепных районов Новосибирского Приобья и Кузнецкой котловины в период с развитого неолита до раннего металла характеризуется устойчивым обрядом ингумации покойных в вытянутом положении на спине [34]. В полной мере это касается поздненеолитических могильников с кипринско-ирбинско-новокусовской керамикой в сопроводительном инвентаре: Ордынское Iе, Крутиха 5, Заречное I. Автохтонными чертами погребальной практики для всех кипринско-ирбинско-новокусовских комплексов выступают наличие украшений из зубов животных со сверловкой в корневом отделе, обычай

помещать в сопроводительный набор предметы мелкой пластики, эпизодическое размещение в могилах керамических сосудов с местной орнаментальной спецификой. Для северной, лесной части кипринско-ирбинско-новокусовского культурного ареала, представленного материалами Самусьского могильника и отдельных погребений Старого Мусульманского кладбища, характерна биритуальность погребальной практики. Захоронения по обряду кремации на кипринско-ирбинско-новокусовских могильниках Томского Приобья, с нашей точки зрения, являются четким маркером культурных взаимодействий с пришлым северным игрековским населением.

Возможные сценарии взаимодействия многовариантны (военное противостояние, совместное хозяйствование, брачные контакты т. д.). Не ясна и временная продолжительность этого процесса. Пока лишь отметим неравномерность распределения бикультурных признаков на различных памятниках. Томский могильник на Большом мысе демонстрирует абсолютное преобладание кремации и наличие только игрековской керамики в погребениях. Вероятным объяснением этому является связь памятника с первыми группами северных мигрантов, сохранивших исходную культурную идентичность. Игрековский могильник на Старом Мусульманском кладбище включает единичные могилы, в которых совместно залегали игрековские и кипринско-ирбинско-новокусовские сосуды. Причем одна из них содержала ингумированный костяк на спине в вытянутом положении [10, с. 315 – 316]. Сочетание ингумации с игрековской посудой зафиксировано на могильнике Иштан [41]. Самусьский могильник, с наибольшим числом собственно кипринско-ирбинско-новокусовских черт, включает кремации без других игрековских признаков. С осторожностью можно говорить о длительном и обоюдном характере культурного взаимовлияния.

Следовательно, обозначенные погребальные комплексы лесных районов Томского Приобья надо датировать второй половиной V – началом IV тыс. до н. э. и идентифицировать с двумя синхронными культурными группами позднего неолита. Появление в погребальном обряде местного населения кремации в таком случае не выступает признаком эпохальных изменений. Вероятно, на начальном этапе погребальная кремация отражает специфику погребальной практики пришлого северного населения с керамикой игрековского типа, а с течением времени становится маркером культурного воздействия мигрантов на носителей кипринско-ирбинско-новокусовской культурной традиции.

Доказанным фактом является влияние восточносибирских популяций на культурогенез автохтонных поздненеолитических групп лесостепного Приобья [43; 50]. Полученные результаты говорят о наличии не только восточного, но и северного аллохтонного импульса. Это подтверждает многофакторность процессов культурогенеза в неолите-энеолите юга Западной Сибири, их зависимость от очагов длительного автохтонного развития, мозаичного расселения разнотурных групп, эпизодичных и массовых миграций [8].

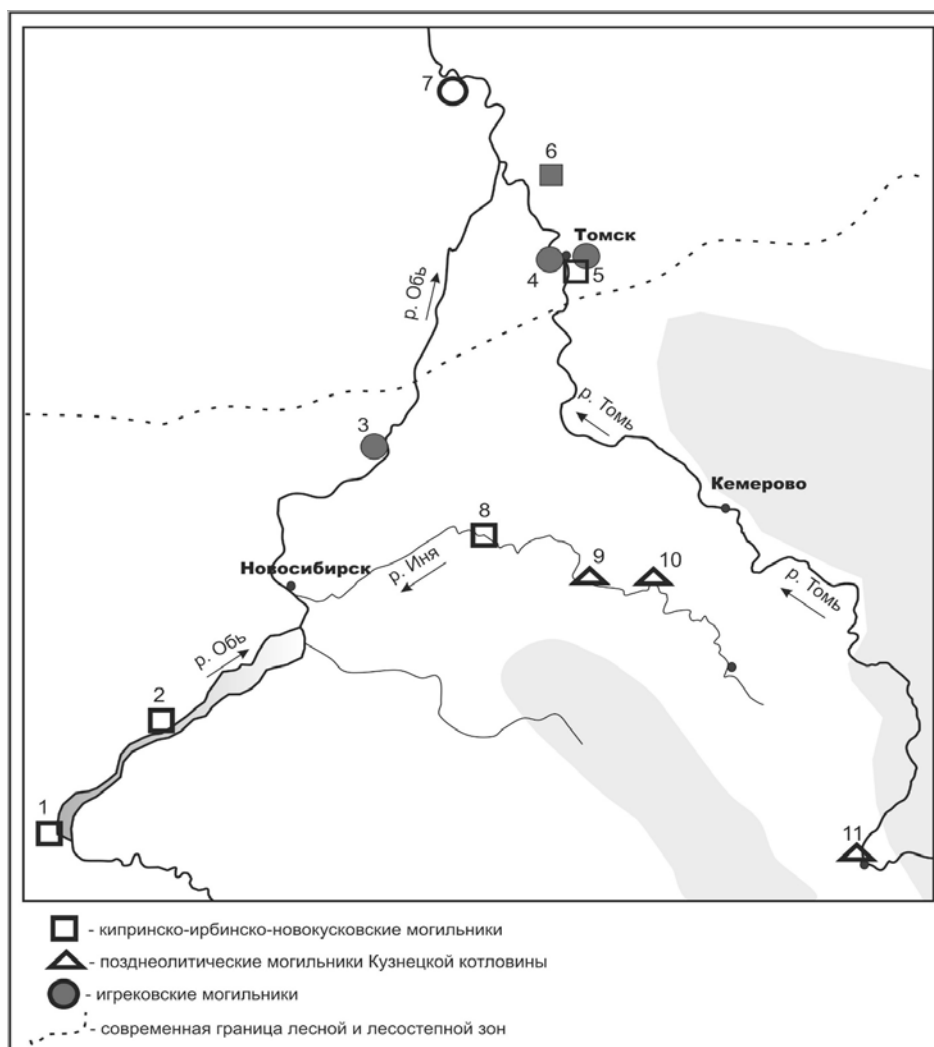

Рис. 1. Погребальные памятники позднего неолита Новосибирского Приобья, Томского Приобья и Кузнецкой котловины. 1 – Крутиха 5, 2 – Ордынское-1е, 3 – Батурицкий остров, 4 – Томский могильник на Большом мысе; 5 – могильник на Старом Мусульманском кладбище, 6 – Самусьский могильник, 7 – Иштанский могильник, 8 – Заречное-1, 9 – Васьковский могильник, 10 – Лебеди-2, 11 – Кузнецкий могильник. Обозначения без заливки – могильники по обряду ингумации; обозначения с темной заливкой – могильники по обряду кремации и биритуальные могильники

Литература

1. Бобров В. В. Материалы разрушенных неолитических погребений кузнецко-алтайской культуры // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. 1990. С. 19 – 32.
2. Бобров В. В. Общая характеристика раннего комплекса поселения Танай-4а // Проблемы неолита–энеолита юга Западной Сибири. Кемерово, 1999. С. 17 – 35.
3. Бобров В. В. Проблемы неолита юга Западной Сибири // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998. Т. 1. С. 50 – 58.
4. Бобров В. В. Большемеysкая культура // Культура, как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: мат. XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 110 – 113.
5. Бобров В. В. К проблеме культурной принадлежности позднеолитического комплекса поселения Автодром – 2 // Окно в неведомый мир. Новосибирск, 2008. С. 110 – 113.
6. Бобров В. В., Марочкин А. Г. Артынская культура // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011а. Т. 1. С. 106 – 108.
7. Бобров В. В., Марочкин А. Г. Хроностратиграфия неолитических комплексов поселения Автодром // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. 17. С. 14 – 19.
8. Бобров В. В., Марочкин А. Г. Боборыкинский комплекс из Барабы: проблема исторической интерпретации // Вестник Томского государственного университета. (Серия: История). 2013. Вып. № 3(23). С. 211 – 215.
9. Дзвлет М. А. Александр Васильевич Адрианов: (к 150-летию со дня рождения). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 68 с.

10. Дульзон А. П. Предварительный отчет об археологических раскопках на старом мусульманском кладбище у южной окраины города Томска, произведенных летом 1955 года // Архив Томского областного краеведческого музея. Ф. 3. Оп. 9. Д. 30.
11. Дульзон А. П. Археологические памятники Томской области (к археологической карте Среднего Приобья) // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 1956. Т. V. С. 89 – 316.
12. Дульзон А. П. Томский неолитический могильник // Учен. зап. Том. гос. пед. ин-та. Томск: Изд-во Томского университета, 1958. Т. XVII. С. 297 – 324.
13. Грязнов М. П. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири // КСИА. 1956. Вып. 64. С. 27 – 42.
14. Зах В. А. Погребения эпохи неолита – ранней бронзы могильника Заречное I // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985. С. 23 – 29.
15. Зах В. А. О культурной принадлежности неолитических памятников Присалаирья и Приобья // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 59 – 63.
16. Зах В. А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. 168 с.
17. Зах В. А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесостепного Тоболо – Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.
18. Кирюшин Ю. Ф. Периодизация культур неолита и бронзы Верхнего и Среднего Приобья // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 59 – 63.
19. Кирюшин Ю. Ф. Проблемы хронологии памятников энеолита и бронзы Южной Сибири // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 43 – 47.
20. Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.
21. Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 295 с.
22. Кирюшин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю. Следы использования на каменных орудиях из погребений могильника на Старом Мусульманском кладбище // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во АГУ, 1996. С. 5 – 10.
23. Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург: Учебная книга, 2010. 308 с.
24. Комарова М. Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии Сибири. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. I. С. 7 – 50.
25. Комарова М. Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИА. 1956. Вып. 64. С. 93 – 103.
26. Косарев М. Ф. Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964. 15 с.
27. Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 193 с.
28. Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.
29. Косарев М. Ф. Из древней истории Западной Сибири [эпоха палеометалла – железный век]: общая историко-культурная концепция // Российский этнограф. М., 1993. Вып. 4. 283 с.
30. Косинская Л. Л. Неолит таежной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 16 – 40.
31. Кунгурова Н. Ю. Могильник Солонцы 5. Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т, 2005. 127 с.
32. Марочкин А. Г. Неолит и ранний металл Верхнего Приобья: истоки научного осмысления // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 7(135). С. 96 – 100.
33. Марочкин А. Г. Культурно-хронологические концепции неолита и раннего металла Верхнего Приобья в отечественной историографии 1970-х – начала 2010-х // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 7(135). С. 84 – 90.
34. Марочкин А. Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита (история изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации): автореферат дис. ... канд. ист. наук. Кемерово: Радуга, 2014. 33 с.
35. Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Материалы неолита-неолита стоянки Долгая 1 (южные районы Нижнего Притомья) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 189 – 201.
36. Матвеев А. В. Неолитическое погребение на Батурином острове // Сибирь в древности. Новосибирск: Наука, 1979. С. 24 – 30.
37. Матющенко В. И. Вопросы датировки томских неолитических // Ученые записки Томского гос. ун-та. Томск, 1960. № 35. С. 200 – 215.
38. Матющенко В. И. Самусьский могильник // Сборник научных работ кафедр Всеобщей истории и истории СССР. Томск, 1961. С. 46 – 53.
39. Матющенко В. И. О сложении верхнеобской неолитической культуры // Этногенез народов Северной Азии. Новосибирск, 1969. С. 60 – 61.

40. Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 1. Томск: Изд-во ТомГУ, 1973. 149 с. (Из истории Сибири. Вып. 9).
41. Матющенко В. И. Поздненеолитический могильник у д. Иштан на р. Оби // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 47 – 54.
42. Матющенко В. И. Вновь о неолите и энеолите в Западной Сибири // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. Кемерово, 1999. С. 9 – 11.
43. Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1977. 169 с.
44. Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. Т. 1. 128 с.
45. Молодин В. И. Устьтартасская // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2005. С. 180 – 184.
46. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. Томск: Изд-во Томского университета, 1994. 475 с.
47. Рудковский И. В. Керамика поселения Чердашный лог // Археология и этнография Приобья: материалы и исследования. Томск, 2007. Вып. 1. С. 92 – 102.
48. Силицына Г. В. О хронологии стоянок Игреково 1 и Игреково 2 в Среднем Приобье // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных: проблемы интерпретации и реконструкции: материалы Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2008. С. 193 – 197.
49. Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А. Древняя история Нижнего Приобья. М.: Изд-во АН СССР. 1953. 360 с.
50. Bobrov V. V. On the problem of interethnic relations in South Siberia in the third and early second millennia B.C // Arctic anthropology. 1988. Vol. 25. № 2. P. 30 – 46.

Информация об авторе:

Марочкин Алексей Геннадьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории археологии Института экологии человека СО РАН, научный сотрудник Научно-исследовательского отдела Научно-инновационного управления КемГУ, comcon@yandex.ru.

Aleksey G. Marochkin – Candidate of History, Research Associate at the Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Research Associate at the Science and Research Division, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.